

Қ.У. Майгельдинов^{1*} , М.Д. Жақауов²

¹Астана халықаралық университеті

Астана қ., Қазақстан

²Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

Алматы қ., Қазақстан

*e-mail: mszkaz@yandex.ru

ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ СТРАТЕГИЯЛЫҚ ДЕРБЕСТІГІН ҚАЛЫПТАСТЫРУ: ИНСТИТУТТАНУ, ҚОЗҒАУШЫ ФАКТОРЛАР ЖӘНЕ ЕГЕМЕН РЕГИОНАЛИЗМНІҢ ШЕКТЕРІ

Аңдатпа

Мақала 2018-2025 жылдары Орталық Азияда стратегиялық дербестіктің қалай қалыптасқанын өңірлік институттану, су-энергетикалық өзара тәуелділік, шекараны реттеу және сыртқы байланыстарды әртараптандыру мысалында талдайды. Зерттеу ресурстық асимметрияның ынтымақтастыққа ықпал ететін жағдайларын айқындауға бағытталған. Құрылымдалған бағытталған салыстыру үдерісті қадағалаумен ұштастырылды. Эмпирикалық материал төрт жағдайды қамтиды: мемлекет басшыларының консультативтік кездесулері, Камбарата-1 жобасы, қырғыз-тәжік шекара келісімі және 2022 жылдан кейінгі сыртқы серіктестіктер. Ресми құжаттар мен рецензияланған еңбектер шешімдердің сабақтастығы, үйлестіру тереңдігі, шығындар мен пайданың бөлінуі, сондай-ақ тәуелділіктің баламалары бойынша салыстырылды. Талдау консультативтік форматтың рәсімдік орнықтылығын көрсетеді, алайда бұл формат ұлтүсті құрылымға айналған жоқ. Су-энергетикалық және шекаралық материалдар асимметрияның нәтижесі институттық жағдайларға тәуелді екенін аңғартады. Ашық дерек, өтем және ортақ бақылау болмаған жағдайда ол сенімсіздікті күшейтеді; өзара толықтырушы мүдделер мен бірлескен іске асыру келісімге мүмкіндік береді. 2022 жылдан кейінгі геосаяси өзгерістер үйлестіру қарқынын арттырды, ал оның ішкі алғышарттары бұрынырақ қалыптасқан. Мақала стратегиялық дербестікті ұжымдық таңдау аясын кеңейтіп, өзара тәуелділікті басқаруға арналған институттық қабілет ретінде негіздейді. АСЕАН тәжірибесі осы тұжырымды шектеулі салыстырмалы бағдар ретінде нақтылайды.

Түйін сөздер: Орталық Азия, стратегиялық дербестік, егемен регионализм, институттану, ресурстық асимметрия, су-энергетикалық ынтымақтастық, өңірлік тәртіп

K.U. Maigeldinov^{1*}, M.D. Zhakauov²

¹Astana International University

Astana, Kazakhstan,

²Abai Kazakh National Pedagogical University

Almaty, Kazakhstan,

*e-mail: mszkaz@yandex.ru

FORMING CENTRAL ASIA'S STRATEGIC AUTONOMY: INSTITUTIONALIZATION, DRIVERS AND LIMITS OF SOVEREIGN REGIONALISM

Abstract

This article analyzes how strategic autonomy developed in Central Asia from 2018 to 2025 through regional institution building, water-energy interdependence, border settlement, and diversification of external ties. It examines the conditions under which resource asymmetry impedes cooperation or creates room for agreement. The research design combines structured, focused comparison with process

tracing. The evidence covers four episodes: the Consultative Meetings of Central Asian heads of state, the Kambarata-1 project, the Kyrgyz-Tajik border agreement, and the expansion of external partnerships after 2022. Official documents and peer-reviewed scholarship are assessed for continuity of decisions, depth of coordination, distribution of costs and benefits, and alternatives to concentrated dependence. The consultative format has acquired procedural continuity without supranational authority. Evidence from the water-energy and border cases indicates that the effects of asymmetry depend on institutional arrangements. Opaque information, weak compensation, and unilateral control sustain mistrust, whereas complementary interests and joint implementation make agreement more credible. Geopolitical change after 2022 increased the pace of coordination, building on domestic conditions established earlier. The article defines strategic autonomy as institutional capacity to widen collective choice and manage interdependence. ASEAN serves as a limited comparative reference rather than an organizational model for Central Asia.

Keywords: Central Asia, strategic autonomy, sovereign regionalism, institutionalization, resource asymmetry, water-energy cooperation, regional order.

Майгельдинов К.У. ^{1*}, Жақауов М.Д. ²

¹Международный университет Астана

г. Астана, Казахстан

²Казахский национальный педагогический университет имени Абая

г. Алматы, Казахстан

**e-mail: mszkaz@yandex.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ, ДРАЙВЕРЫ И ПРЕДЕЛЫ СУВЕРЕННОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Аннотация

Статья анализирует формирование стратегической автономии Центральной Азии в 2018-2025 годах через региональную институционализацию, водно-энергетическую взаимозависимость, урегулирование границ и диверсификацию внешних связей. Исследовательский вопрос касается условий, при которых ресурсная асимметрия затрудняет сотрудничество либо создает пространство для соглашения. Дизайн объединяет структурированное сфокусированное сравнение и отслеживание процессов. Эмпирическую основу составляют четыре эпизода: Консультативные встречи глав государств Центральной Азии, проект Камбарата-1, кыргызско-таджикский пограничный договор и расширение внешних партнерств после 2022 года. Официальные документы и рецензируемые публикации сопоставлены по устойчивости решений, глубине координации, распределению издержек и выгод, а также наличию альтернатив концентрированной зависимости. Консультативный формат приобрел процедурную устойчивость при сохранении межгосударственного характера. Материалы по воде, энергетике и границе показывают, что последствия асимметрии зависят от институциональных условий. Непрозрачность информации, слабая компенсация и односторонний контроль поддерживают недоверие; взаимодополняемые интересы и совместное исполнение повышают вероятность соглашения. Геополитические изменения после 2022 года ускорили координацию, опираясь на ранее сложившиеся внутренние предпосылки. В статье стратегическая автономия определяется как институциональная способность расширять коллективный выбор и управлять взаимозависимостью. АСЕАН используется как ограниченный сравнительный ориентир, а не организационная модель для Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, стратегическая автономия, суверенный регионализм, институционализация, ресурсная асимметрия, водно-энергетическое сотрудничество, региональный порядок.

Введение

В 2018-2025 годах региональное взаимодействие в Центральной Азии стало регулярнее и содержательнее. Возобновились прямые встречи лидеров, повестка дополнилась согласованными документами по транспорту, торговле и долгосрочной кооперации. Переговоры по границам и гидроэнергетике привели к решениям, которые десятилетием ранее казались маловероятными. Институты при этом сохранили межгосударственный характер: наднациональный центр не создавался, национальные полномочия ему не передавались. Такое сочетание отличает новый этап от классической интеграции и ставит вопрос о фактической способности региональных механизмов влиять на совместные решения.

Сравнительная литература объясняет современный регионализм торговыми стимулами, поиском политической устойчивости, управлением общими рисками и стремлением государств увеличить переговорный вес (Börzel & Risse, 2016; Fawcett & Hurrell, 1995; Hurrell, 1995; Söderbaum, 2016). Европейский союз долго служил главным эталоном анализа. Азиатский опыт расширил эту перспективу, показав устойчивые формы сотрудничества, основанные на консенсусе, неформальных процедурах и ограниченной юридикации. В условиях Центральной Азии слабая наднациональность сама по себе не свидетельствует об отсутствии институтов; значение имеют регулярность правил и их влияние на поведение участников.

Постсоветские проекты региона обычно рассматривались через призму незавершенности. В литературе подчеркивались конкуренция политических элит, приоритет режимной безопасности, ограниченная внутрорегиональная торговля и зависимость от организаций, в которых ведущую роль играли внешние державы (Allison, 2008; Bohr, 2004; Collins, 2006; Krapohl & Vasileva-Dienes, 2020). Эта перспектива объясняет многие неудачи 1990-х и 2000-х годов, однако слабее отражает постепенное формирование правил взаимодействия после 2017 года. Новая эмпирическая ситуация требует отдельно оценивать экономическую интеграцию, оборонное сотрудничество и институционализацию межгосударственных консультаций.

Под стратегической автономией в статье понимается способность государств расширять набор доступных решений, согласовывать позиции по вопросам общего интереса и ограничивать концентрацию зависимости от одного партнера. Термин не предполагает дистанцирования от России, Китая или Запада и не равен внешнеполитической нейтральности. На национальном уровне автономия проявляется в диверсификации партнерств. Региональный уровень связан с выработкой правил без обязательного внешнего посредника. При таком определении автономия можно оценивать по наблюдаемым институциональным признакам.

Цель исследования объяснить механизмы расширения и ограничения стратегической автономии Центральной Азии в 2018-2025 годах. Основной вопрос сформулирован следующим образом: при каких условиях ресурсная асимметрия между государствами препятствует региональному сотрудничеству? Для ответа сопоставляются четыре эмпирических эпизода: эволюция Консультативных встреч глав государств, подготовка совместного проекта Камбарата-1, урегулирование кыргызско-таджикской границы и расширение внешнеполитических альтернатив после 2022 года.

Проверяются две гипотезы. Н1 связывает отрицательное влияние асимметрии с непрозрачным распределением выгод, отсутствием надежной компенсации и односторонним контролем исполнения. Н2 предполагает, что внешний шок ускоряет координацию при наличии ранее сформированных внутренних предпосылок. Научная новизна работы состоит в выявлении посредующих механизмов между асимметрией и институционализацией. Анализ сосредоточен на конкретных правилах, которые превращают различие ресурсов в предмет обмена либо сохраняют его как источник недоверия.

Ранние исследования центральноазиатского регионализма исходили из того, что устойчивость организации зависит от плотности экономических связей, совпадения политических интересов и наличия государства, готового нести издержки лидерства. На этом основании региональные союзы 1990-х годов характеризовались как слабые или виртуальные. Такой подход был убедителен применительно к формальным организациям, но объединял разные

явления: провал экономической интеграции, отсутствие наднациональности и неустойчивость межгосударственных консультаций. Исследования местных правил взаимодействия выявили также способность государств региона приспособлять инициативы крупных держав к собственным ограничениям (Cooley, 2012; Pomfret, 2019).

Концепция регионального порядка предлагает более чувствительный инструмент анализа. Она обращает внимание на повторяющиеся дипломатические практики, ожидания допустимого поведения и способы управления разногласиями. В этой перспективе суверенитет задает одну из норм, вокруг которых организуется сотрудничество. Исследования Ф. Коста Буранелли прослеживают эту логику от проектов 1990-х годов до современного консультативного формата и показывают, что авторитарные практики также способны приобретать межгосударственную институциональную форму (Costa Buranelli, 2020; Costa Buranelli, 2021; Costa Buranelli, 2025; Costa Buranelli, 2026). Эффективность такого порядка оценивается по устойчивости согласованных правил и результатам их применения.

Конструктивистская ветвь литературы дополняет институциональный анализ вопросом о региональной принадлежности. Понятия соседства, братства и общей исторической ответственности используются в политической риторике и поддерживают технические каналы общения в периоды напряженности. Они также задают язык приемлемого компромисса. Общая идентичность при этом сосуществует с конкуренцией интересов и односторонними действиями. Понятие водного соседства поэтому описывает конфликт и сотрудничество как параллельные процессы (Dadabaev, 2021; Dadabaev, 2022; Dadabaev et al., 2023; Laruelle, 2021).

Вторая группа работ рассматривает стратегическую автономию через поведение средних и региональных держав. Казахстан стремится поддерживать статус предсказуемого посредника и повышать собственную видимость на международных площадках. Эта статусная политика связана с многовекторностью, однако ее эффект зависит от способности предлагать коллективные решения, приемлемые для соседей (Anceschi, 2020; O'Neill & Primiano, 2024; Prys-Hansen & Frazier, 2024; Yesdauletova et al., 2024). Применительно к Центральной Азии идея автономии развивается через функциональную кооперацию в сферах воды, энергии и транспорта, где общий интерес легче перевести в конкретный проект (Kassenova, 2023).

Особенно насыщен исследованиями водно-энергетический комплекс. Классическая постановка противопоставляет интересы стран верховья, заинтересованных в зимней выработке электроэнергии, и стран низовья, которым вода необходима прежде всего летом для орошения. Климатическая неопределенность и рост спроса усиливают распределительный конфликт (Bernauer & Siegfried, 2012; Menga, 2018). Более новые работы показывают, что устойчивое решение требует объединять воду, энергию, продовольствие и экосистемы, а также использовать совместимые данные и сценарное планирование (De Keyser et al., 2023; Ma et al., 2024; Qin et al., 2022). Обзоры фиксируют разрыв между развитой аналитикой взаимосвязей и слабой практикой многостороннего исполнения (Bamgboye et al., 2025; Nesmashnyi, 2024; Prniyazova et al., 2025).

Третья дискуссия касается внешней зависимости. Российские транспортные, миграционные и оборонные связи сохраняют структурное значение, тогда как экономическое присутствие Китая расширяется через торговлю, кредитование, энергетику и инфраструктуру. Эти процессы нельзя свести к простой смене одного доминирующего центра другим. Российские и китайские инструменты различаются, пересекаются и создают для государств региона как ограничения, так и дополнительные варианты (Kazantsev et al., 2021; Raj et al., 2026; Wilson, 2021). Исследования китайской энергетической дипломатии и инициативы «Пояс и путь» указывают на асимметрию переговорных ресурсов, но также отмечают способность принимающих государств пересматривать проекты и связывать их с национальными приоритетами (Laruelle & Peyrouse, 2012; Liao, 2021; Panibratov et al., 2022; Yamaguchi, 2026).

События после 2021 года усилили интерес к агентности Центральной Азии в более широкой евразийской системе. Авторы обращают внимание на стратегии диверсификации, хеджирования и вовлечения нескольких партнеров (Cannon et al., 2025; Dadabaev & Umarov, 2025; Noesselt, 2022). Связь безопасности и геоэкономики стала теснее: расширение китайского присутствия

охватывает инвестиции, обмен информацией, защиту инфраструктуры и противодействие транснациональным рискам (Sarybayev et al., 2026; Turtugulova et al., 2026). Для настоящего исследования автономия определяется возможностью выбирать между каналами взаимодействия и коллективно снижать цену зависимости.

Сопоставление с АСЕАН требует осторожности. Исследования юго-восточноазиатского порядка связывают его устойчивость с консенсусом, невмешательством, постепенностью и практикой хеджирования (Acharya, 2014; Frost, 2008; Wicaksana & Karim, 2023). Центральное-азиатские государства демонстрируют сходные процедурные предпочтения, но регион пока не располагает сопоставимыми по длительности организационной памятью, секретариатом и экономическими режимами. В статье АСЕАН служит ограниченным аналитическим ориентиром. Сходство норм объясняет выбор мягкой институционализации, а институциональные различия задают предел сравнения.

Обзор выявляет два пробела. Во-первых, стратегическая автономия часто описывается на уровне внешнеполитических деклараций, а ее институциональные индикаторы остаются неявными. Во-вторых, ресурсная асимметрия преимущественно трактуется как постоянная причина слабой интеграции, хотя одни и те же различия могут создавать предмет обмена. Неолиберальная теория сотрудничества предполагает, что повторяемость взаимодействия, информация и увязка вопросов снижают транзакционные издержки (Keohane, 1984). Политэкономические исследования, в свою очередь, показывают, что внешняя зависимость меняет пространство выбора, но не полностью определяет его (Naseemullah, 2023). Эти положения объединены в аналитической модели статьи.

Методология исследования

Работа построена как качественное сравнение ограниченного числа случаев. В ней структурированное сфокусированное сравнение сочетается с отслеживанием процессов. Единый набор общих вопросов обеспечивает сопоставимость эпизодов, а восстановление последовательности принятых решений позволяет отделить предшествующие условия от непосредственных поводов (George & Bennett, 2005). Отслеживание процессов применяется в диагностическом режиме. Для каждого предполагаемого звена механизма заранее определяется, какое свидетельство должно обнаружиться в источниках, если объяснение верно. Отсутствие ожидаемого свидетельства ослабляет объяснение. Обнаружение специфического следа, плохо совместимого с конкурирующими версиями, напротив, существенно его подкрепляет (Collier, 2011). Отбор именно неоднородных случаев соответствует логике наибольшего различия и позволяет проверить, воспроизводится ли один и тот же механизм в несхожих условиях. При четырех таких случаях подобная схема дает более обоснованный результат, чем формальная статистическая проверка. Кроме того, она делает логику качественных выводов открытой для проверки, поскольку каждый шаг рассуждения можно проследить от исходного документа к интерпретации.

Неоднородность случаев задается по нескольким измерениям. Первое измерение сфера взаимодействия: политико-институциональная, водно-энергетическая, территориальная или внешнеполитическая. Второе число непосредственных участников: от двух государств в пограничном урегулировании до всех пяти в Консультативных встречах. Третье степень политизации предмета. Четвертое роль внешних акторов: от почти полного их отсутствия в двустороннем пограничном процессе до значимого участия международных финансовых институтов в подготовке Камбарата-1. Общими для всех эпизодов остаются лишь два условия, выводимые из теоретической рамки: ресурсная асимметрия и интерес, который не может быть реализован одной стороной. Если при столь различном контексте прослеживается сходный переход от асимметрии к правилам совместного действия, это говорит в пользу механизма, а не частных обстоятельств отдельного случая.

Временные рамки охватывают период с марта 2018 года, когда состоялась первая Консультативная встреча глав государств, по декабрь 2025 года. Нижняя граница выбрана

потому, что именно тогда пятисторонний диалог на высшем уровне без участия внешних партнеров приобрел регулярную форму. Тем самым появилась точка отсчета для наблюдения за институционализацией. События 2026 года учитываются лишь в той мере, в какой они отражены в научной литературе. Они служат уточнению интерпретации уже завершенного периода и не включаются в последовательность результатов. Пространственные границы образуют Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Участие Азербайджана в консультативном формате в 2025 году трактуется как изменение внешнего контура региона, а не как основание ретроспективно относить страну к Центральной Азии.

Корпус источников включает 59 позиций. В него входят рецензируемые статьи и академические монографии, официальные материалы седьмой Консультативной встречи, страница Всемирного банка по Камбарата-1, документ ОЭСР о Среднем коридоре и правозащитная оценка пограничного соглашения. В выборку попадали материалы, прямо раскрывающие хотя бы одну из четырех категорий: институционализацию регионального формата, водно-энергетическую взаимозависимость, урегулирование границ или изменение внешних зависимостей. Публикации общего характера использовались только для теоретического определения понятий. Отбор проходил в два этапа. Сначала по официальным сообщениям и первичным документам восстанавливалась хронология решений, затем каждый существенный факт сопоставлялся с академическими интерпретациями. При расхождении формулировок приоритет отдавался более узкому утверждению. Так, предложение создать «Сообщество Центральной Азии» не кодировалось как состоявшееся учреждение организации. Подписание пограничного договора также не приравнивалось к автоматическому исчезновению всех локальных проблем доступа, собственности и компенсации. Сопоставление первичных документов с независимыми академическими и правозащитными оценками служит формой триангуляции. Совпадение свидетельств из разных типов источников повышает надежность вывода, а сама процедура снижает риск переноса политической риторики в аналитический результат.

Единицами анализа выступают четыре эпизода институционального изменения. Первый охватывает семь Консультативных встреч 2018–2025 годов. Второй прослеживает переход от конфликта интересов по режиму стока к совместной подготовке Камбарата-1. Третий относится к кыргызско-таджикскому пограничному урегулированию и последующим вопросам его исполнения. Четвертый включает внешнеполитическую диверсификацию после 2022 года, в том числе развитие транспортных маршрутов и многосторонних форматов. Такой выбор эпизодов препятствует автоматическому переносу характеристики одной страны на весь регион.

Ключевые понятия операционализированы так, чтобы их можно было наблюдать в источниках. Институционализация выражается через повторяемость встреч, наличие согласованных процедур, отраслевую координацию и признаки исполнения решений. Стратегическая автономия оценивается по трем индикаторам: разнообразию внешних каналов, способности согласовать общую региональную позицию и наличию альтернатив при ухудшении отношений с отдельным партнером. Ресурсная асимметрия понимается широко. Она означает не только различие запасов воды, энергии или капитала, но и транзитное положение, административную способность, доступ к внешнему финансированию и возможность выйти из переговоров с меньшими потерями.

Для каждого эпизода рассматриваются три конкурирующих объяснения. Первое связывает изменения с личной инициативой руководителей и сменой политического курса в отдельных странах, прежде всего в Узбекистане после 2016 года. Второе объясняет их давлением или посредничеством внешних держав. Третье указывает на конъюнктурные экономические стимулы, не требующие устойчивых правил. Эти версии не исключаются заранее. Гипотеза о механизме считается предпочтительной только там, где источники показывают, что принятые правила продолжали действовать при ослаблении исходного импульса. Иными словами, их устойчивость не должна сводиться ни к воле конкретного лидера, ни к внешнему давлению.

Причинные выводы формулируются с учетом ограничений источниковой базы. Документы саммитов отражают согласованную позицию элит и не показывают всех разногласий внутри

переговоров. Академические публикации опираются на разные определения регионализма, а данные о торговле и инвестициях зависят от методики учета. Исследование не измеряет общественное восприятие и не оценивает экологические последствия Камбарата-1. Оно также не утверждает, что последующее событие вызвано единственной предшествующей причиной. Результат признается поддерживающим гипотезу только тогда, когда между изменением правил и расширением возможностей совместного действия прослеживается конкретный механизм.

Результаты исследования

Перезапуск регионального диалога был связан прежде всего с изменением внешней политики Узбекистана после 2016 года. Переход от осторожной дистанции к активной работе с соседями снизил политическую цену регулярных встреч. Исследования этого поворота подчеркивают сочетание внутренних экономических задач, стремления открыть транспортные связи и потребности восстановить доверие по границам (Dadabaev, 2019; Kobilov, 2026). Казахстан поддержал формат как площадку, совместимую с многовекторной политикой. Семь встреч образуют последовательность постепенного усложнения правил. В 2018 году главным результатом было само возобновление прямого диалога. В 2019 году стороны формализовали подготовку встреч, после чего повестка стала включать отраслевые документы и координационные механизмы. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве для развития Центральной Азии, представленный в 2022 году, закрепил общую политическую рамку, хотя состав подписантов не был полностью тождественен составу региона. В 2023-2024 годах транспортная координация и концепция "Центральная Азия - 2040" придали формату более длительный горизонт (Costa Buranelli, 2026).

Таблица 1.

Эволюция Консультативных встреч глав государств Центральной Азии в 2018-2025 годах

Год и место	Наблюдаемый результат	Аналитическое значение
2018, Астана	Возобновление встреч лидеров без внешних участников	Снижение дефицита доверия
2019, Ташкент	Согласование порядка подготовки встреч	Переход от разовой инициативы к процедуре
2021, Аваза	Расширение отраслевой и афганской повестки	Функциональная дифференциация
2022, Чолпон-Ата	Договорная рамка дружбы и сотрудничества	Политическое закрепление общих норм
2023, Душанбе	Транспортные договоренности и работа координаторов	Связь саммитов с отраслевым исполнением
2024, Астана	Одобрение концепции региональной кооперации до 2040 года	Долгосрочное планирование
2025, Ташкент	Присоединение Азербайджана к формату; предложение создать Сообщество Центральной Азии	Расширение контура при незавершенной организационной реформе

Примечание. Составлено авторами по материалам консультативных встреч и научной литературе. Предложение 2025 года о создании Сообщества не трактуется как уже учрежденная организация.

Седьмая встреча в Ташкенте обозначила достигнутую степень институционализации и ее текущую границу. Азербайджан был принят в консультативный формат, а президент Узбекистана предложил преобразовать встречи в "Сообщество Центральной Азии". Официальное

сообщение фиксирует инициативу и достигнутые договоренности; сведений о создании самостоятельной международной организации с действующим секретариатом в нем нет (President of the Republic of Uzbekistan, 2025). Формат приобрел процедурную устойчивость при сохранении межгосударственного характера.

Водно-энергетические отношения наиболее ясно показывают двойственную роль асимметрии. Кыргызстан и Таджикистан располагают значительным гидроэнергетическим потенциалом и заинтересованы в зимней выработке электроэнергии. Казахстан, Узбекистан и Туркменистан в большей степени зависят от летнего стока для сельского хозяйства. Раздельный расчет воды и электроэнергии делает интересы сторон трудносовместимыми. Объединение сезонного регулирования, энергопоставок, инвестиций и продовольственной безопасности открывает пространство для обмена. Исследования WEF-нексуса подтверждают аналитическую ценность межсекторального баланса (Kato, 2025).

Проект Камбарата-1 представляет собой важный, но еще не заверченный тест этой логики. Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан совместно готовят гидроэлектростанцию на реке Нарын проектной мощностью 1860 МВт. По данным Всемирного банка, ожидаемая выработка составляет около 6000 ГВт-ч в год; проект также должен улучшить региональное использование водных ресурсов (World Bank, n.d.). Его институциональное значение связано с участием Казахстана и Узбекистана в разработке и финансировании объекта, расположенного в Кыргызстане. Такая схема создает основу для совместного контроля издержек и выгод.

Международный фонд спасения Арала и межгосударственные водные комиссии поддерживают регулярное взаимодействие, однако их мандаты, состав и ресурсы не полностью охватывают связку воды и энергии. Экологический регионализм в Евразии способен обслуживать практические задачи и политическую легитимацию, поэтому оценка должна учитывать прежде всего качество исполнения (Agostinis & Urdinez, 2022). Международный водно-энергетический консорциум пока остается программной идеей, поскольку его архитектура не согласована.

Пограничное урегулирование стало вторым случаем перевода жесткой асимметрии в переговорный обмен. Спор на кыргызско-таджикской границе охватывал линию разграничения, дороги, пастбища, водозаборы и доступ к анклавам. После тяжелых столкновений 2021 и 2022 годов стороны активизировали двусторонние переговоры и 13 марта 2025 года подписали договор о государственной границе. Вскоре были восстановлены закрытые пункты пропуска и транспортные связи. Договор снизил вероятность межгосударственной эскалации; его устойчивость зависит от практической демаркации и защиты прав затронутых жителей (Human Rights Watch, 2025).

Безопасность после 2022 года также демонстрирует постепенную диверсификацию. Государства региона расширили двусторонние учения и обмен информацией, сохраняя разные отношения с ОДКБ, ШОС и внешними партнерами. Конструктивистский анализ регионального комплекса показывает, что общие представления об угрозах формируются внутри региона и сосуществуют с различиями национальных приоритетов (Buzan & Wæver, 2003; Dadabaev & Umarov, 2025). Наблюдаемые изменения указывают на рост самостоятельной координации, пока без перехода к коллективной обороне.

Средний коридор через Каспийское море дополняет северные и восточные маршруты и повышает устойчивость за счет дополнительного канала. ОЭСР указывает на необходимость согласовать тарифы, цифровые процедуры, пограничное администрирование и инфраструктурные инвестиции, поскольку сама география не обеспечивает эффективную перевозку (OECD, 2023). Исследование транспортных возможностей связывает практический эффект коридора со снижением времени и неопределенности доставки (Rentschler et al., 2025).

Таблица 2 сопоставляет механизм согласования, достигнутый результат и остаточный риск в каждом эпизоде. Во всех четырех случаях пространство выбора расширилось, однако степень закрепления решений различается. Наиболее устойчивыми оказались повторяющиеся процедуры и соглашения с распределенной ответственностью; зависимость от будущего исполнения сохраняется в проектных и локальных механизмах.

Таблица 2.*Сравнение механизмов стратегической автономии*

Эпизод	Исходная асимметрия	Механизм согласования	Результат к концу 2025 года	Остаточный риск
Консультативные встречи	Политический вес и разные внешние обязательства	Консенсус, повторяемость, координаторы	Устойчивая процедура консультаций	Слабый контроль исполнения
Камбарата-1	Верховье и низовье; капитал и инфраструктурный контроль	Совместная подготовка, увязка воды и энергии	Переход к совместному проекту	Финансирование, данные, режим стока
Кыргызско-таджикская граница	Доступ к земле, дорогам и воде	Пакетный двусторонний компромисс	Договор и открытие сообщений	Демаркация и права местных жителей
Внешняя диверсификация	Неравный доступ к рынкам и маршрутам	Новые коридоры и многосторонние форматы	Расширение дипломатических альтернатив	Замещение одной зависимости другой

Примечание. Оценка отражает механизм и состояние на конец 2025 года, а не окончательный результат проектов.

Таким образом, результаты исследования показывают, что стратегическая автономия государств Центральной Азии складывается не за счет устранения асимметрий, а за счет их перевода в процедуры согласования и пакетные обмены. Консультативные встречи глав государств прошли путь от восстановления прямого диалога в 2018 году к долгосрочному планированию и расширению контура формата в 2025 году. При этом они сохранили межгосударственный и консенсусный характер и не превратились в самостоятельную международную организацию. Водно-энергетическая сфера и кыргызско-таджикское пограничное урегулирование демонстрируют, что увязка разнородных интересов (сезонного регулирования стока, энергопоставок, инвестиций, доступа к земле, дорогам и воде) открывает пространство для компромисса там, где раздельный подход ведет к тупику. Диверсификация внешних связей, включая развитие Среднего коридора и расширение двустороннего взаимодействия в сфере безопасности, увеличивает число доступных альтернатив, но не исключает замещения одной зависимости другой и пока не означает перехода к коллективной обороне. Общим ограничением всех рассмотренных механизмов остается разрыв между принятием решений и их исполнением. Устойчивость достигнутых результатов будет определяться финансированием и эксплуатацией Камбараты-1, практической демаркацией границы с защитой прав местных жителей, согласованием тарифов и пограничных процедур на транспортных маршрутах, а также способностью участников наполнить инициативу Сообщества Центральной Азии институциональным содержанием. В этом смысле региональную кооперацию к концу 2025 года можно охарактеризовать как процедурно устойчивую, но функционально незавершенную.

Обсуждение

Сопоставление кейсов поддерживает Н1. Отрицательный эффект асимметрии возникает не автоматически, а при сочетании трех условий: непрозрачной информации, ненадежной компенсации и различной возможности выйти из соглашения. В таких условиях участник, несущий краткосрочные потери, не уверен в последующем возмещении, а сторона с меньшими издержками выхода имеет слабые стимулы соблюдать общий контроль. Каждое из этих условий по отдельности поддается институциональной коррекции, однако их совпадение превращает

ресурсное неравенство в устойчивый источник взаимного недоверия. Размер ресурсного различия сам по себе недостаточен для прогноза: сопоставимая асимметрия может сопровождаться как затяжным спором, так и стабильным обменом. Исход определяется правилами доступа к информации, распределения издержек и проверки обязательств.

Взаимодополняемость ресурсов создает стимул к кооперации, когда одностороннее использование обходится дороже согласованного режима. В проекте Камбарата-1 Кыргызстан предоставляет площадку и гидроэнергетический потенциал, а государства низовья располагают рынком, капиталом и заинтересованностью в предсказуемом стоке. Совместное участие меняет структуру стимулов: государство верхнего течения получает гарантированный сбыт и финансирование, государства низовья влияние на режим попусков. Такой эффект возникает лишь при условии заранее согласованных правил эксплуатации. Ключевое значение имеют общие данные, понятная формула распределения выгод и процедура пересмотра режима при засухе или изменении спроса. Без этих элементов совместный проект рискует перенести внутрь себя прежнее противоречие между ирригационным и энергетическим использованием воды.

Пограничный материал расширяет эту модель за пределы ресурсного сектора. Пакетное согласование участков, дорог, доступа к воде и восстановления сообщений позволило распределить уступки между несколькими вопросами и снизить политическую цену каждой из них. Логика пакета дает сторонам возможность компенсировать потери в одном измерении выигрышами в другом, что трудно достижимо при последовательном рассмотрении спорных участков. Межгосударственный договор снизил военный риск, но устойчивость компромисса будет зависеть от демаркации и повседневного применения новых правил на местах. Понятная информация для жителей и доступный порядок обжалования здесь выступают частью исполнения, а не дополнительной социальной мерой, поскольку именно локальные споры о воде, пастбищах и проезде нередко становились поводом для эскалации.

Хронология поддерживает Н2. Политический поворот Узбекистана, регулярные встречи лидеров и работа пограничных комиссий сформировали каналы координации до 2022 года. Последующий внешний шок повысил срочность альтернативных маршрутов и согласования позиций, используя уже существовавшую инфраструктуру взаимодействия. При отсутствии таких каналов внешнее давление с большей вероятностью вызвало бы разрозненные национальные реакции, а не скоординированный поиск решений. Война изменила темп и цену решений, поэтому ее причинная роль ограничивается ускорением ранее начавшегося процесса. Это различие существенно и для прогноза: ослабление внешнего шока не обязательно повлечет свертывание сотрудничества, поскольку его основания сложились раньше.

Стратегическая автономия носит секторальный характер: степень самостоятельности различается в зависимости от того, о какой функции внешних связей идет речь. Государство способно увеличить выбор в транспортной сфере и одновременно сохранить высокую зависимость в миграции, безопасности или финансировании. Китайские инвестиции и рынок расширяют доступные варианты, тогда как разрыв экономических масштабов повышает риски непрозрачных контрактов и односторонней инфраструктурной совместимости. Российские связи сохраняют значение для трудовой миграции, языковой среды, логистики и обороны. Различие этих функций делает единый показатель внешней зависимости аналитически малоинформативным: агрегированная оценка скрывает, что расширение выбора в одной сфере может сосуществовать с его сужением в другой (Kazantsev et al., 2021; Raj et al., 2026; Wilson, 2021).

Автономию целесообразно измерять не декларируемой многовекторностью, а наличием практически доступных альтернатив и способностью согласовывать условия взаимодействия. Форматы C5+1 могут укреплять региональную субъектность, поскольку внешние партнеры обращаются к пяти государствам как к группе и тем самым признают регион самостоятельным адресатом политики. Рост числа площадок вместе с тем перегружает администрации, дробит повестку и порождает конкуренцию государств региона за внимание внешних партнеров. Диверсификация становится институциональным ресурсом, если государства формулируют

несколько общих приоритетов до переговоров с внешним партнером, а не согласуют их по ходу диалога.

Сравнение с АСЕАН выявляет процедурное сходство и институциональную дистанцию. Оба региона предпочитают консенсус, чувствительны к суверенитету и используют мягкие институты для отношений с конкурирующими центрами силы (Acharya, 2014; Wicaksana & Karim, 2023). Вместе с тем АСЕАН располагает постоянным секретариатом, длительной организационной памятью и комплексом экономических соглашений. Центральназиатский формат моложе и сильнее зависит от президентской дипломатии, что ускоряет принятие отдельных решений, но делает их более уязвимыми к смене политической конъюнктуры. Эти особенности задают самостоятельную траекторию его развития, поэтому опыт АСЕАН полезен скорее как набор процедурных решений, чем как модель для копирования.

Понятие суверенного регионализма описывает сотрудничество, которое повышает коллективный переговорный вес при сохранении национального контроля над обязательствами. Такой порядок объясняет одновременно привлекательность консультативных встреч и предел их исполнительной силы. Консенсус защищает чувствительные интересы, однако затрудняет решения по вопросам с неравномерным распределением издержек. Ротационные и проектные механизмы смягчают эту проблему, позволяя заинтересованным государствам продвигаться быстрее без обязательного участия всех остальных. Постоянный аналитический аппарат остается необходимым для сохранения данных и преемственности между председательствами. Без такого аппарата каждое новое председательство вынуждено заново выстраивать повестку, а накопленный опыт рассеивается.

Дальнейшее закрепление сотрудничества требует инфраструктуры исполнения. Консультативному формату нужны постоянный цифровой архив решений, единый набор индикаторов и публичный ежегодный отчет национальных координаторов. Эти инструменты не требуют передачи суверенных полномочий, но делают видимым разрыв между декларациями и практикой. В водно-энергетической сфере приоритетны совместимый обмен гидрологическими данными, сценарии для засушливых лет, формула компенсации и независимая экологическая оценка. Для транспортных коридоров существенны согласованные тарифы, цифровые документы и измерение времени, стоимости и надежности перевозки наряду с объемом грузов, поскольку именно эти параметры определяют привлекательность маршрута для грузоотправителей.

В этой архитектуре вклад Казахстана наиболее убедителен в роли связующего участника, а не регионального лидера. Такая позиция соответствует его статусной политике и снижает опасения соседей относительно иерархии. Претензия на явное лидерство могла бы, напротив, усилить стремление соседей к балансированию и снизить их готовность к совместным обязательствам. Совместное авторство инициатив повышает вероятность исполнения, поскольку участники воспринимают согласованные правила как собственные. Для Камбарата-1 это предполагает равный доступ к ключевой информации, для региональной стратегии совместное определение индикаторов, для внешних форматов предварительную координацию ограниченного набора общих приоритетов.

Заключение

Исследование показало, что в 2018-2025 годах Центральная Азия сформировала более устойчивую архитектуру межгосударственного сотрудничества. Ее основу составили регулярные консультативные встречи, совместная подготовка водно-энергетического проекта Камбарата-1, кыргызско-таджикский пограничный договор и постепенное расширение транспортных и дипломатических альтернатив. Эти элементы заметно различаются по степени исполнения и пока не складываются в единый и обязывающий режим, однако их общее значение состоит в возросшей способности государств координировать решения при сохранении национального контроля над принимаемыми обязательствами.

Ресурсная асимметрия препятствует сотрудничеству прежде всего там, где сохраняются непрозрачность данных, ненадежная компенсация и односторонний контроль над ключевыми ресурсами. Напротив, увязка разнородных вопросов, распределенная ответственность и проверяемые обязательства позволяют превратить взаимодополняемые ресурсы в основу совместного проекта, что подтверждает первую гипотезу. Хронология согласуется и со второй: внешние изменения после 2022 года ускорили диверсификацию внешних связей, но реализовалась она преимущественно через каналы и форматы, созданные в предшествующий период.

Стратегическая автономия региона выражается в расширении доступного выбора и в способности государств совместно управлять зависимостями по отдельным секторам, не передавая при этом суверенных полномочий наднациональному центру. Понятие суверенного регионализма обозначает институциональную форму этого процесса, в котором консенсус и гибкость сочетаются с намеренно ограниченной исполнительной инфраструктурой. Его устойчивость будет определяться не декларативными заявлениями, а качеством мониторинга, обмена данными, механизмов компенсации и локального исполнения принятых решений. Поэтому дальнейшая оценка Камбарата-1, пограничного урегулирования и транспортных коридоров должна опираться на наблюдаемые практические результаты, а не на число подписанных деклараций и совместных заявлений.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках грантового финансирования исследований молодых ученых по проекту «Жас ғалым» КН МНВО РК «Китайская политика мягкой силы в Республике Казахстан: анализ инструментов влияния» (ИРН AP25796631).

Конфликт интересов. [Авторам необходимо подтвердить формулировку: конфликт интересов отсутствует.]

Вклад авторов (CRediT). [Авторам необходимо подтвердить распределение ролей: концептуализация; методология; сбор материалов; анализ; подготовка первоначального текста; редактирование; руководство проектом.]

Доступность данных. Исследование основано на открытых документах и публикациях, перечисленных в списке литературы; новый массив персональных или закрытых данных не создавался.

References:

- Acharya A. (2014). Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order (3rd ed.). *Routledge*.
- Agostinis G., & Urdinez, F. (2022). The nexus between authoritarian and environmental regionalism: An analysis of China's driving role in the Shanghai Cooperation Organization. *Problems of Post-Communism*, 69(4-5), 330-344. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1974887>
- Allison R. (2008). Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia. *Central Asian Survey*, 27(2), 185-202. <https://doi.org/10.1080/02634930802355121>
- Anceschi L. (2020). Analysing Kazakhstan's foreign policy: Regime neo-Eurasianism in the Nazarbaev era. *Routledge*. <https://doi.org/10.4324/9781315674698>
- Bamgboye T. T., Shukurov E., Rafipour-Langeroudi, M. Baubekova, A. Tahir Virk, Z. Gohari A., Patro E. R., Kløve B. & Torabi Haghighi A. (2025). A review of the water-energy-food nexus in Central Asia's transboundary basins: Trends, gaps and applications assessments. *International Journal of Water Resources Development*, 1-28. <https://doi.org/10.1080/07900627.2025.2571894>
- Bernauer T., & Siegfried, T. (2012). Climate change and international water conflict in Central Asia. *Journal of Peace Research*, 49(1), 227-239. <https://doi.org/10.1177/0022343311425843>
- Bohr A. (2004). Regionalism in Central Asia: New geopolitics, old regional order. *International Affairs*, 80(3), 485-502. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00394.x>
- Börzel T. A., & Risse T. (Eds.). (2016). The Oxford handbook of comparative regionalism. *Oxford University Press*. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199682300.001.0001>

Buzan B., & Wæver O. (2003). Regions and powers: The structure of international security. *Cambridge University Press*. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>

Cannon B. J., Sim L.-C. & Aminjonov F. (2025). Central Asia and the Indo-Pacific: Bridging the divide in an age of great power rivalry. *International Affairs*, 101(4), 1177-1191. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaf102>

Collins K. (2006). Clan politics and regime transition in Central Asia. *Cambridge University Press*.

Cooley A. (2012). Great games, local rules: The new great power contest in Central Asia. *Oxford University Press*.

Costa Buranelli F. (2020). Authoritarianism as an institution? The case of Central Asia. *International Studies Quarterly*, 64(4), 1005-1016. <https://doi.org/10.1093/isq/sqaa058>

Costa Buranelli F. (2021). Central Asian regionalism or Central Asian order? Some reflections. *Central Asian Affairs*, 8(1), 1-26. <https://doi.org/10.30965/22142290-bja10015>

Costa Buranelli F. (2025). Central Asian regionalism in the 1990s: Order, familiarization, and spotlighting. *Post-Soviet Affairs*, 41(4), 348-375. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2025.2516188>

Costa Buranelli F. (2026). The consultative meetings of heads of state of Central Asia: Local norms, institutions, and the fundamentals of regional order. *International Affairs*, 102(1), 121-145. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaf225>

Dadabaev T. (2019). Uzbekistan as Central Asian game changer? Uzbekistan's foreign policy construction in the post-Karimov era. *Asian Journal of Comparative Politics*, 4(2), 162-175. <https://doi.org/10.1177/2057891118775289>

Dadabaev T. (2021). Nationhood through neighborhood? From state sovereignty to regional belonging in Central Asia. *Journal of Borderlands Studies*, Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.2006750>

Dadabaev T. (2022). Decolonizing Central Asian international relations: Beyond empires. *Routledge*.

Dadabaev T., Sehring J. & Djalilova N. (2023). Central Asian water neighbourhood: A constructivist reconceptualisation of hydropolitics in Central Asia. *Water Alternatives*, 16(3), 930-948. <https://www.water-alternatives.org/index.php/alldoc/articles/vol16/v16issue3/719-a16-3-3/file>

Dadabaev T. & Umarov A. (2025). A constructivist framework for the Central Asian regional security complex: Identity, interests and security dynamics. *International Affairs*, 101(4), 1237-1258. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaf070>

De Keyser J., Hayes D. S., Marti B., Siegfried T., Seliger C., Schwedhelm H., Anarbekov O., Gafurov Z., López Fernández R. M., Ramos Diez I., Alapfy B., Carey J., Karimov B., Karimov E., Wagner B. & Habersack H. (2023). Integrating open-source datasets to analyze the transboundary water-food-energy-climate nexus in Central Asia. *Water*, 15(19), Article 3482. <https://doi.org/10.3390/w15193482>

Fawcett L. & Hurrell A. (Eds.). (1995). Regionalism in world politics: Regional organization and international order. *Oxford University Press*.

Frost E. L. (2008). Asia's new regionalism. *Lynne Rienner Publishers*.

George A. L. & Bennett A. (2005). Case studies and theory development in the social sciences. *MIT Press*.

Human Rights Watch. (2025, March 28). Kyrgyzstan, Tajikistan: Put rights at center of border deal. <https://www.hrw.org/news/2025/03/28/kyrgyzstan-tajikistan-put-rights-center-border-deal>

Hurrell A. (1995). Explaining the resurgence of regionalism in world politics. *Review of International Studies*, 21(4), 331-358. <https://doi.org/10.1017/S0260210500117954>

Kassenova N. (2023). Strategic autonomy for Central Asia: Drawing inspiration and support from the European Union. *Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University*. <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/strategic-autonomy-central-asia-drawing-inspiration-and-support-european-union>

Kato T. (2025). Strengthening the water-energy nexus for a climate-resilient Central Asia (OECD Green Growth Papers No. 2025/02). OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/632162c2-en>

Kazantsev A., Medvedeva S. & Safranchuk I. (2021). Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 12(1), 57-71. <https://doi.org/10.1177/1879366521998242>

Keohane R. O. (1984). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. Princeton University Press.

Kobilov F. (2026). From geopolitical pendulum to regional player: Uzbekistan's regional foreign policy following the leadership change in 2016. *Central Asian Survey*, 45(3), 364-384. <https://doi.org/10.1080/02634937.2025.2482186>

Krapohl S. & Vasileva-Dienes A. (2020). The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia. *Asia Europe Journal*, 18(3), 347-366. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0>

Laruelle M. (2021). *Central peripheries: Nationhood in Central Asia*. UCL Press. <https://doi.org/10.14324/111.9781800080058>

Laruelle M. & Peyrouse, S. (2012). *The Chinese question in Central Asia: Domestic order, social change, and the Chinese factor*. Columbia University Press.

Liao J. X. (2021). China's energy diplomacy towards Central Asia and the implications on its Belt and Road Initiative. *The Pacific Review*, 34(3), 490-522. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1705882>

Ma Y., Li Y., Huang G., Liu Y. & Zhang Y. (2024). Collaborative management of water-energy-food-ecosystems nexus in Central Asia under uncertainty. *Water Resources Research*, 60, e2023WR035166. <https://doi.org/10.1029/2023WR035166>

Menga F. (2018). *Power and water in Central Asia*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315559179>

Naseemullah A. (2023). The political economy of national development: A research agenda after neoliberal reform? *World Development*, 168, Article 106269. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106269>

Nesmarshnyi A. (2024). The water-energy security nexus in Central Asia: Evaluating the effectiveness of international governance. *Pathways to Peace and Security*, 1(66), 229-253. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2024-1-229-253>

Noesselt N. (2022). Strategy adjustments of the United States and the European Union vis-à-vis China: Democratic global power identities and fluid polygonal relations. *Journal of Chinese Political Science*, 27, 519-541. <https://doi.org/10.1007/s11366-022-09794-3>

Organisation for Economic Co-operation and Development. (2023). *Realising the potential of the Middle Corridor*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/635ad854-en>

O'Neill D. & Primiano C. B. (2024). Kazakhstan's quest for status: A secondary state's strategy to shape its international image. *Journal of Eurasian Studies*, 15(1), 81-96. <https://doi.org/10.1177/18793665231183220>

Panibratov A., Kalinin A., Zhang Y., Ermolaeva L., Korovkin V., Nefedov K. & Selivanovskikh L. (2022). The Belt and Road Initiative: A systematic literature review and future research agenda. *Eurasian Geography and Economics*, 63(1), 82-115. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1857288>

Pomfret R. (2019). *The Central Asian economies in the twenty-first century: Paving a new Silk Road*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691182216.001.0001>

Prniyazova A., Turaeva S., Turgunov D., & Jarihani B. (2025). Sustainable transboundary water governance in Central Asia: Challenges, conflicts, and regional cooperation. *Sustainability*, 17(11), Article 4968. <https://doi.org/10.3390/su17114968>

President of the Republic of Uzbekistan. (2025, November 16). The seventh Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia concludes. <https://president.uz/en/lists/view/8677>

Prys-Hansen M. & Frazier D. (2024). The regional powers research program: A new way forward. *International Politics*, 61, 1-12. <https://doi.org/10.1057/s41311-024-00563-y>

Qin J., Duan W., Chen Y., Dukhovny V. A., Sorokin D., Li Y. & Wang X. (2022). Comprehensive evaluation and sustainable development of water-energy-food-ecology systems in Central Asia. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 157, Article 112061. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.112061>

Raj H., Kaushiki N., Yadav S. & Sathyadas V. (2026). Shifting the sand? Emerging dynamics of Sino-Russo relations in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 17(2), 265-279. <https://doi.org/10.1177/18793665251401942>

Rentschler J., Reinhardt A., Elbert R. & Hummel D. (2025). The trans-Caspian corridor: Geopolitical implications and transport opportunities. *Journal of Transport Geography*, 125, Article 104211. <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2025.104211>

Sarybayev M., Zhekenov D., Rustem K., Kurmanbek A. & Kossalbayev B. D. (2026). Regional security collaboration between Central Asia and China: Contemporary challenges and future prospects. *Frontiers in Political Science*, 8, Article 1670875. <https://doi.org/10.3389/fpos.2026.1670875>

Söderbaum F. (2016). Rethinking regionalism. *Palgrave Macmillan*.

Turtugulova D., Baktiyarova G., Aikenova D. & Maigeldinov K. (2026). Geoeconomic rivalry in Central Asia: China's Belt and Road Initiative, the 2025 United States National Security Strategy, and Kazakhstan's hedging. *Frontiers in Political Science*, 8, Article 1839540. <https://doi.org/10.3389/fpos.2026.1839540>

Wicaksana I. G. W. & Karim M. F. (2023). How regional organisation survives: ASEAN, hedging and international society. *Contemporary Politics*, 29(5), 659-679. <https://doi.org/10.1080/13569775.2023.2216031>

Wilson J. L. (2021). Russia and China in Central Asia: Deepening tensions in the relationship. *Acta Via Serica*, 6(1), 55-90. <https://doi.org/10.22679/avs.2021.6.1.003>

World Bank. (n.d.). Kambarata-1 Hydropower Plant Project. Retrieved September 9, 2026, from <https://www.worldbank.org/en/programs/kambarata-1-hpp>

Yamaguchi S. (2026). China's diplomacy in Central Asia: The logic of internal politics coupled with the logic of great power competition. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/24761028.2026.2619803>

Yesdauletova A., Nurdavletova S., Dalelkhan A., Kenzhalina G. & Aitmagambetov D. (2024). Kazakhstan's foreign policy in the context of geopolitical turbulence. *India Quarterly*, 80(1), 149-163. <https://doi.org/10.1177/09749284231225683>

FTAMP 11.15.91

DOI: <https://doi.org/10.51889/2959-6270.2026.95.3.012>

Е.С. Жетпісбаев^{1*} , Г. Сембекова¹ , Ә. Оңалбеков² , Ж. Токбергенов¹

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Қ.А. Ясауи атындағы қазақ-түрік университеті, Түркістан қ., Қазақстан Республикасы

*e-mail: e.zhetpysbaevv@mail.ru

АДАМ САУДАСЫНА ҚАРСЫ САЯСАТТАҒЫ ІСКЕ АСЫРУ АЛШАҚТЫҒЫ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАР ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАННЫҢ 2024 ЖЫЛҒЫ РЕФОРМАСЫ

Аңдатпа

Мақала адам саудасына қарсы саясаттың нәтижелілігін қабылданған нормалардың санымен емес, олардың күнделікті әкімшілік тәжірибеде қалай орындалатынымен бағалайды. Қазақстанда 2024 жылы арнайы заң қабылданып, құқықтық реттеу бір жүйеге келтірілді. Дегенмен жаңа нормалардың жәбірленушіні ерте анықтауға, мәжбүрлі еңбекті ашуға және ведомствоаралық есептілікке ықпалы жеке талдауды қажет етеді. Зерттеудің мақсаты – халықаралық стандарттар мен Қазақстандағы құқықтық реформа арасындағы нормативтік, операциялық және нәтижелік алшақтықтарды анықтау. Сапалық саяси-құқықтық талдау 2000-2024 жылдар аралығындағы тоғыз негізгі халықаралық және ұлттық құжатқа, сондай-ақ 41 ғылыми еңбекке (40 рецензияланған мақала мен бір ғылыми монографияға) сүйенді. Материалдар құқықтық анықтама, алдын алу, жәбірленушіні анықтау және жолдау, қорғау мен қалпына келтіру, қылмыстық қудалау және жазаламау қағидасы, үйлестіру мен деректер өлшемдері бойынша кодталды. Талдау 2024 жылғы реформа нормативтік бытыраңқылықты азайтқанын көрсетті. Алайда құқықтық сәйкес-